Города

Рассказы

Мосты

СТО ДВАДЦАТЫЙ, как всегда, едет быстро.

Резко тормозит перед остановкой. Автобус, простывший от кондиционера, наполняется людьми. Загорелыми. Одни прикладывают карты, другие пытаются всунуть в аппарат доллар, ещё один, помогая указательными пальцами, после кидают монету в двадцать пять центов.

Кристине нет смысла пополнять карту. Скоро уедет. Принимает драмину, садится впереди на пластиковые голубые кресла.

Автобус пищит и оседает. Раскрытая ладонь моста опускается на тротуар перед инвалидным креслом. Кристина встает. Первые четыре сиденья поднимают. Коляска въезжает. Водитель крепит её красными ремнями. В ней девушка с уложенными волосами. В модных джинсах на парализованных ногах. С учебниками и тетрадями. Она не торопится. Она знает: мир — для неё.

Кристина встает, проходит дальше. На ступеньке парень с прической наподобие ананаса подвигается и пропускает. Задние сиденья греются изнутри, будто под ними атомный двигатель, — Кристина садится сбоку. Напротив парень — афроамериканец — в кепке выплевывает слова о том, что никто вокруг не знает, что происходит, и он сам не в курсе. Он выбрасывает слова так уверенно и громко, что внушает уважение или ?.. Никто не садится рядом, и он, расставив ноги, занимает два сиденья.

Вжавшись в угол — коленки у подбородка, — девушка с блуждающей улыбкой. Слушает музыку.

Последним заходит в автобус толстый пожилой мужчина, в соломенной шляпе, полотняных штанах. Кристина знает, что он русский. Русских видно за километр. Он ездит с огромной красной сумкой на колёсах, как будто турист и только прилетел сюда.

После моста автобус вкатывается на Майами-Бич.

Мужчина заговаривает с только что вошедшей девушкой:

— А вы же русская? Вы давно здесь? Турист... Надолго? А с деньгами как у вас? Лучше бы сделать гражданство, конечно. Были бы деньги, можно адвоката нанять. Сказать там «по политическим причинам». Вы не в оппозиции какой-нибудь, случайно? Нет? Жаль, а то бы можно было. Да и так можно к адвокатам прийти, они что-нибудь придумают. Вы чем в России

занимаетесь? А, музыка! Хорошо... хорошо. Я сам музыку сочиняю. Я самоучка. Какую? Я работаю с аккордами из шести звуков. Почти дисгармония, да? О, вы оперу больше любите? А знаете, что у меня один из лучших голосов в мире? Я, когда был молодой, участвовал в конкурсе международном и выиграл. Вот если бы моё имя летало над пляжем в рекламе о концертах в «Фонтенбло»[1]. О, спасибо! Я просто слышу музыку. Ничего в этом необычного. А вы исполнитель? Ну, у вас образование зато и работа какая! Что я здесь делаю? Живу уже пять лет как. Сейчас нашёл бизнесменов из Мексики, им мои обработки опер понравились. Может, и деньги будут. Да-да. Хорошего вам дня!

Он сидит молча только одну остановку. На следующей, у Сорок первой улицы, — русский мат. Двое никак не могут найти мелкие деньги для аппарата без сдачи.

— Я вам разменяю. Не за что, не за что! Садитесь-садитесь сюда. Вы тут?.. А, полгода. Да, деньги на проездном заканчиваются, не успеешь пополнить. Права скоро получаете? Поздравляю-поздравляю. А что собираетесь делать? Свой бизнес? Хорошо. Если деньги есть, можно инвестировать в строительство отелей или домов. Знаете, сколько русских сюда деньги вкладывают? Кажется, весь Санни-Айлс[2] на них построен. У вас деньги-то есть? А, ну да-да. Небольшой бизнес тоже хорошо. Я что делаю? Живу тут уже пять лет. Сначала столько денег заработал. Бизнес-бизнес. Пекарня была. Испанская. Эмпанады, а потом расслабился. Знаете, когда деньги появляются, сначала тратишь-тратишь. А потом их и нет. Но сейчас я попробую русский ресторанчик открыть. Да, заходите-заходите. Что? Я вас воодушевляю? Да я же так, опытом делюсь. Удачного дня вам!

Ближе к Восьмидесятой заходит парень. Наушники от айфона, жвачка, никакого привета водителю, все в автобусе ему мешают — сумками, ногами, существованием...

— Здравствуйте, вы русский? Как узнал? Глаза русские. Садись. А, ну постой, раз хочешь. Давно ты тут якорь кинул? А, учишь просто язык. Возвращаться домой собираешься? На международные отношения? Да, конечно, я вот в Китае жил лет пять. Нет, говорить не могу. Скажу тебе по секрету, это там проект был русско-китайский. Я в институте биохимию изучал, потом меня в Китай и бросили. Так что там больше на русском. Но китайцев через год понимать начал. А английский за шесть месяцев можно подтянуть. Нет проблем. А что ты улыбаешься? Я тебе говорю, легкий язык. А у тебя родители-то кто? Деньги есть у них, раз ты здесь? Отец служил. О, мы с ним, считай, коллеги, проект не про пластик был. Я, правда, это разглашать не могу ещё. Успеха тебе с английским.

Кристина встает. Идет вперёд.

— Девушка, вы из России? А, не из России, из Казахстана. Давно здесь? Три года? Нравится? Мне да, погода замечательная, правда, летом жара. А вы работаете кем? А, вы врач, подтверждаете диплом. Да, я тоже врач, ветеринар, правда. Но знаю, как тут тяжело. Сам пытался подтвердить. Сдался после двух лет. Сначала сдай им весь курс тестом, потом ещё один тест по специальности и ещё практика, и после этого ты не врач, а так, на подхвате. А вам сколько лет? Двадцать шесть? Ну, вы-то молодая. Если бы я сюда приехал молодым, я бы точно подтвердил. У вас и сил больше, и институт недавно закончили, всё помните. А? Что вы говорите?

— Я говорю, что в прошлый раз вы мне другое заливали. Вы говорили, что переехали, женились на американке, получили гражданство, потом сразу развелись и тут остались. Говорили, что и я смогу замуж фиктивно выйти быстро.

— Заливал?

— Да, я же знаю, кто вы. Я знаю, что у вас в сумке. Сказать? О-де-я-ло. Ложитесь спать на газету — им закрываетесь. Вы всем лжёте! Я слышала — Китай, биохимия, пекарня, опера — и всё-то вы можете.

— Всё могу?

— О, да. Всем рисуете чудеса, советы раздаете. А сами — бомж! Интересно, что придумаете, если я вам про суицид скажу?

— Что бы придумал... я предложил бы скрутить сигаретку с марихуаной.

Он выходит из автобуса чуть раньше Авентуры[3]. Красная рука сменилась зелёным человечком. Он идёт назад.

На остановке нет никого. Темнеет. С океана летят тучи. Крутит, затягивается. Через полчаса голова дергается на один бок, как будто мышцы неестественно сокращаются в ритм ветру. Встает на самый краешек тротуара спиной к дороге. Сгибает ногу и начинает нервно выбрасывать её

[1] Один из самых известных отелей в Майами-Бич (здесь и далее — *прим. авт.*).

[2] Санни-Айлс-Бич — пригород Майами-Дейд, штат Флорида. Прозвище — Маленькая Москва в связи с большим количеством русских.

[3] Авентура Молл — большой торговый центр.

назад. Двигается быстро и резко — странно при его комплекции. Резко и спиной к дороге.

Сто двадцатый, как всегда, едет быстро.

Кольцо

1

У МЕТРО «САДОВАЯ» два года снимала однокомнатную квартиру пара. Дом привык к ним, не замечал. Они закрывали почтовый ящик на ключ, здоровались с соседями три раза в год, не шумели после одиннадцати — считались культурными людьми.

Всё началось неожиданно и с неё.

После офиса зашла в «Дикси» на углу с каналом Грибоедова. Потыкала пальцем в манго — не понравилось, понюхала персик и положила на место; оторвав мутноватый полиэтилен, долго терла пакет между большим и указательным, пытаясь открыть, наконец, резко опустила пакет, этим надув его, повернулась к мячевидным яблокам и, движением баскетболистки побросав их в пакет, уверенно пошла к кассе, где ей сказали, что взвешивать нужно в зале. Она оставила пакет на ленте, недовольно махнула рукой и гордо вышла в белую дверь.

В подъезде у лестницы стояли четыре велосипеда, два детских и два взрослых с корзинками для продуктов, в углу валялась пара газет с одинаковой первой страницей, изображающей новостройку и кричащей о низких ценах, из почтовых ящиков свешивалась реклама, как будто только что напечатанная и теперь досыхавшая прямо тут, пахло краской; она прошла мимо.

Дома разделась, на кухне осторожно дотронулась рукой до батареи, а потом медленно поднесла ладони к железным мехам отопления. Поднялась и, выйдя на середину, неуклюже повернулась в юбке-карандаше, зажмурилась, открыла глаза: стол стоял на месте.

— Спасибо...
— [Суп обалденный.]
— Суп обалденный!
— [Мой любимый... (тут у него обязательно пауза) с фрикадельками!! (а тут — обязательно восторг.)]
— Мой любимый... с фрикадельками!!
— [Аааааааааааааа!]
— Ты что молчишь?
— Устала.
— Ладно, покурить выйду.

Когда хлопнула дверь, она положила в раковину широкие белые тарелки с золотистыми кружочками жира по краям, залила водой, капнула сверху фейри. Не торопилась, она знала, что будет через три минуты, когда он спустится на первый этаж, хлопнет рукой по нагрудному карману и, не найдя сигарет, зажигалки или ключей от машины, снова откроет дверь... как всегда, но сегодня у неё вдруг задрожали руки.

— [Забыл... !(На месте пропуска что угодно.)]
— Забыл ключи!
— [Не видела? (Конечно, видела.)]
— Не видела?
— Нет. [Молчит. Не та реплика.]
— А, тогда поищу.
— Поищи-поищи.
— Что случилось?
— Ничего.
— Ты сегодня какая-то не такая...

2

БЕЛАЯ ФУТБОЛКА, обтягивающая не пивной, а умеренно-спортивный живот, коричневые ботинки с растрепавшимися концами шнурков и валяющаяся всегда на разных местах длинная черная расческа, разделённая пополам частыми и редкими зубчиками, — это раздражало её — он.

Она разглядывала в зеркале люстры белую кровать с красным пододеяльником и бежевым пледом, пару небольших подушек, упавших на пол, торшер и две прикроватные тумбочки; рядом спал он. Она ждала, что он встанет сейчас, когда огромный механический будильник ударит в серебристые чашечки звонка, встанет и пойдёт в душ, выйдет в шортах с болтающимися завязками и поцелует её.

Целует.
— Чего тебе?
— Не понял...
— Чего надо тебе?! — кричит.
Ушёл.

— Привет! Будешь кушать? — она смотрела как-то исподнизу, чувствуя, что утром была виновата, и ждала.

За два года они никогда не обсуждали ссор, просто, посидев в разных комнатах, встречались в прихожей и шли куда-нибудь, и говорили о другом, и не извинялись.

Он промолчал. Разделся, шарф свернул, положил на верхнюю полку, отодвинув её берет и шляпу, куртку повесил на крючок, а не в шкаф,

как всегда, снял ботинки и прошёл на кухню. Она за ним.

Вымыл руки и открыл холодильник, налил суп в тарелку и поставил в микроволновку. Прозвенело. Поел. Ушёл в комнату.

3

НА СЛЕДУЮЩЕЕ УТРО она встала раньше него, приготовила кофе и, сидя за кухонным столом, наслаждалась тишиной. Когда он вошёл, она неожиданно привстала.

— Привет!

Молчит.

«А надолго тебя хватит?» — подумала. Она чувствовала такое счастье — он молчал. Просто рядом ходит и молчит. Ничего от неё не нужно.

— Новый аромат от Chanel, — приветливо говорил одетый в черный костюм парень, стоя у входа в «Рив гош».

Она решила, что купит что-нибудь дешевое. Остановилась перед стеллажом, взяла в руку пять полосок бумаги и, пшикнув на каждую из разного флакона, отошла и помахала ими в воздухе. Она подносила поочерёдно каждый блоттер к носу и медленно вдыхала запах — не понравилось. Она попробовала три разных бренда и, когда совершенно перестала различать запахи, вышла из магазина.

Почему-то солнце сияло ослепительно в витринах, и вывеска турагентства, где она работала, изогнулась в улыбке. За железной дверью — маленькая прихожая, увешанная сувенирами, после — кабинет с двумя столами, прижавшимися друг к другу спинками.

«Завтра воскресенье, а сегодня директора не будет», — она медленно сняла куртку и, подтолкнув крутящееся кресло, села за стол. Проверила почту, посмотрела ещё раз заявления на визу, аккуратно сложила их в папку и спрятала в одном из ящиков стола.

Никто не приходил; за грязным окном был серый Литейный с черными «мерседесами», красными БМВ и одним золотистым «фольксвагеном»; нежно-голубые жалюзи внизу помяты, она попробовала разогнуть их, потом опустить, но жалюзи не реагировали.

— Сломала!

Она записала в блокнот, что нужно купить новые — голубого, кремового или песочного оттенка — непонятно. Посмотрела на неувядаемую сансевиерию в горшке у входа, рядом с корзинкой для бумаг, привстала, но решительно включила компьютер и начала бродить по иностранным сайтам, рассматривая платья, или юбки, или что-нибудь новое.

Днём казалось — всё прошло, ничего не было. О нём вспоминала, только когда поворачивалась на кресле к принтеру и взгляд упирался в пополнявшийся после каждой его командировки коллаж из открыток. Но как только она представляла хоть слово — начинало знобить. Тогда, моментально вернувшись к поцелую, вспоминала все и радостно улыбалась от того, что дома ей не нужно ни отвечать, ни слушать.

Она всё же купила новые духи, чтобы запомнить этот счастливый день свободы.

В почтовом ящике лежало извещение для него, она взяла, поднялась и крикнула:

— Тебе пришло!

— Угу, — забрал извещение.

Они замешивали молчание, как дрожжевое тесто, и оно становилось всё гуще и плотней. Он молчал, потому что она всё начала; она — потому что нравилось.

4

В ПОНЕДЕЛЬНИК утром они встретились на кухне, одновременно протянули руки к стальному чайнику на газовой плите и отдернули. Он отошёл к окну.

«Пф, уступил, ну, спасибо!» — она скривила губы и поставила чайник на первую конфорку справа.

Он достал белую в цветок эмалированную кастрюлю и поставил на первую слева. А потом открыл холодильник и, освободив одну из полок от «её» йогуртов и сыра, положил туда орехи и паштет.

Ушёл.

Она встала из-за стола и открыла холодильник, посмотрела на «её» и «его» полки, хотела улыбнуться, не получилось. Повертела в руках паштет, посмотрела состав и срок годности, увидела себя в отражении микроволновки, мотнула головой и закрыла дверцу.

В кино было полно сеансов, подруги специально взяли билеты на час ночи, точнее они — не специально, а она не возражала, и фактически её совесть осталась белоснежной.

Ей домой не хотелось. В воображении по всей квартире теперь шла меловая черта, разделяющая «её» и «его» половины. Эта черта дели-

ла холодильник, плиту, ложки в шкафу, сам шкаф, кровать, ванную — всё; она не была уверена, где его ложка, а где её, и боялась нарушить границу, поэтому и не хотела домой.

За такси заплатила больше, чем за фильм, ещё полчаса простояла на лестничной клетке, потом осторожно открыла дверь, неслышно отёрла подошвы о коричневый коврик.

Забравшись в кровать, поняла, что его нет. Резко встала и включила свет, весь свет, даже в ванной. Казалось, искала.

5

ПРОСНУЛАСЬ от свиста. Испуганная села на кровати, потом вскочила и стала соображать, как же это выключить и откуда это свистит. Показалось — на кухне. Вбежала туда. Он стоит.

— Доброе утро! — это она сказала.

Увидела на плите незнакомый свистящий чайник.

— Что это?

Он молчал.

Новенький красный чайник с массивной пластмассовой ручкой и черным наглым свистком продолжал кипеть. Тогда подошёл и выключил газ.

— Ты где был?

Ничего.

Не хотелось быть дома, потому что дома уже не было. Зашла в «Кофе Хауз» и пила одну чашку полчаса, потом заказала ещё один кофе.

6

— ИЗВИНИ! Я НЕ ЗНАЮ, что это было, правда. Какое-то раздражение невыносимое. Извини, — она говорила, но стояла спиной.

— Ну, если у тебя всегда такие «раздражения» будут. Я же на тебя свои не вываливаю.

— Я пыталась, не получается.

— И?

— Извини.

— Да на фиг. Что случилось-то?

— Ничего не случилось. И сама не знаю. Всё раздражать стало. Может, переедем?

— Зачем? Квартира хорошая, почти центр. До Казанского[1] десять минут. Слушай, ты за меня выйдешь?

— В смысле?

— Серьёзно. У меня кольцо есть. В машине.

[1] Казанский собор.

7

ОНА ШЛА по Невскому в сторону Гостиного двора, начинало темнеть, загорались рекламы и огни. Она посмотрела на кольцо — спрятала руку в карман, посмотрела ещё раз — подняла брови, ещё раз — сняла кольцо, положила в кошелёк. Через минуту вынула — посмотрела, надела на палец, пожала плечами, надела перчатку. Снова вынула руку из кармана, потрогала палец под перчаткой — здесь.

Подошла к киоску с цветами: наивными лилиями, худыми ромашками и пышными жёлтыми астрами, — понюхала все; осторожно потрогала бутон лилии, когда продавщица отвернулась, но взяла три ромашки.

Она решила, что больше не сможет так молчать неделю, целую неделю и ходить, думая, что виновата. Ведь и правда она? Снова всплыло, как накричала тогда и как ей нравилось молчать — испугалась и зашла в «Чайную ложку».

Съев пару сладких блинов, подумала, что было бы неплохо съездить в недавно открытый магащин «ИКЕА» и поменять старую кухню на новую, с электрической плитой, если хозяева не против, а ещё бы в перспективе посудомоечную поставить.

«А лучше мы поедем куда-нибудь после свадьбы, и там я куплю парео, соломенную шляпку и... открытки, — подумала. — Мои, собственные».

Она тихо подошла к косяку, с кухни тепло пахло едой.

— Я когда должен быть? Хорошо, в пять, значит, в пять. Без проблем. Ничего, я скажу ей. Нормально. Говорим теперь. Да-да... знаешь, на самом деле освежает! Я бы так раз в месяц делал! Реально! Советую! Главное, — сказал он, щёлкнув ногтем по красному чайнику, — иметь всё своё!

Фантик

Сквозь терку неба сыпалась заледеневшая вода. Нью-Йорк дрожал и оттаивал, не выспался — чувства жили: скучали в пробке Линкольн-туннеля[2], замирали на восемьдесят шестом этаже, отдыхали, прогуливаясь вдоль пруда. Он готовился к чему-то: полнился ре-

[2] Автомобильный туннель под р. Гудзон.

кламами, замерзшими словами и криками, гудками, миганием красной руки и белого человека, фарами и светом фонарей; прятался в Атлантическом океане и тут же, распарывая его железными лучами свободы, не находил себя. Его никогда не спрашивали про закат. Если бы спросили — смутился и, заикаясь звуками светофоров и машин, отказался отвечать, потому что все было личное: он, дома, небо, фантик в канализации. Последний давил сильнее всех. Из-за этого полинявшего фантика, унесенного в канализацию подтаявшей жижей и давящего, давящего, он готовился, все готовились.

У Рокфеллер-центра[1] установлена ёлка, такая же огромная, как всегда. Аккуратно уложены гирлянды. Внизу залит каток, а из-подо льда будто играет оркестр. Неоновые ангелы беззвучно трубят в медно-духовые...

Упрямый фантик.

Старый или новый? Выбросили или случайно упал? Разницы-то нет. Главное, результат — фантика в мире нет: нет на конфете, нет на дороге — не видно. А он лежит и давит! Разве он такой один? Нет, там ещё окурок лежит, рекламная листовка, обёртка от Zero. А он давит. Пускай...

Световое шоу готово. Появляясь на одном из магазинов, оно показывало Нью-Йорк сверху вместе со всеми небоскребами. Город через секунду распадался на отдельные дома, в прожекторных окнах которых танцевали тени людей, и его тень танцевала там, а после все взрывалось салютом — однотонными яркими кистями.

Не фантик создал.

Умный или глупый? Лежит в канализации, мудрейший. Пройдет сто лет и окажется — ТАКОЙ! Какой? Дурак. Он думал о конфете, вокруг которой был обёрнут, потом — что конфеты не было, а он какой-то бракованный: не серебристый, не прямоугольный — в который жалко завернуть. Не в конфете дело. Он — фантик! Давит? Пускай...

Нью-Йорк смотрел на каток, где танцевала пара — не профессионалы, но скользили плавно, мягко, в своё удовольствие. Сверху казалось странным, что они одни. Вдруг прозвучало вибрато струнных. Пара проехала ещё один круг, он, обняв, мягко вел её к центру катка. Остановились, он встал на колено, она закрыла лицо руками. «Ооо!» — пошло. Город шелохнулся.

Фантик вздрогнул.

Раньше думал, что «Ооо!» нежное, потом — слащавое. Но уже краска и бумажно-серебристый внутренний слой пропали. Осталась ясность, полная хрустальность. Не видно, что он там. И почти не лежит. А сам знает: вздрогнул, чтобы надавить. Был бы добрым, не напоминал бы о себе, пожалел бы!

В Новый год перед Рокфеллер-центром вместе с частью толпы смотрел то на каток, то на вторую часть, медленно вившуюся по ступеням вверх и тут же вторым рядом сползавшую вниз. Думал, что сейчас под счёт «ten... five... three, two, one» он развернется бесцветным прямоугольником, и взорвутся фантик, дома, город, небо, — он, разлетаясь вместе с салютом над Нью-Йорком, над людьми, над самим собой.

Разорвался.

Когда закричали, салют прорёк красками немого фантика, и гирлянды искрились его цветами, из окон лился карнавал его тонов, и слезы, и снег, и грязь — все было пропитано им.

Он думал так.

Всю ночь бегал, искал, искал куски, ошметки, прозрачные чешуйки фантика. Схватил картонный стакан из-под кока-колы, стучал в двери (вдруг раньше нашли) и протягивал его: два пенни, половина хот-дога, кто-то погладил голову — пожалел. Тогда рванулся сам, один по улицам метался; солнце дали — разложил всё рядом, так, чтобы получился прямоугольник, оптом схватил со склада строительные скобы и соединил ими части. Некоторые кусочки распадались под железными крюками, некоторые — выпирали, превращая прямоугольник в слона, сердце или двугорбого верблюда — что с этим делать? Зажал между прозрачных обломков пластмассы, просверлил дыры, вставил шурупы, затянул... и поставил к мусоропроводу.

Кто-то мимо шел, посмотрел — искусство! Выставил в музее Гуггенхайма: «Неизвестный художник» (или скульптор, или мастер инсталляций), «Без названия».

Проходят, смотрят, качают головами, кто-то вздыхает.

Девушка: «Вот это слон!»

Парень: «Сама ты слон, ясно же, о любви...»

Маленький мальчик: «Смотри-смотри — верблюд!»

Брат мальчика: «Этот фантик-то?»

Папа мальчика: «Хорошие скобы! Нам бы такие для коттеджа...»

---

[1] Комплекс зданий в Нью-Йорке, расположен в Среднем Манхэттене.

Сдвиг

01.09.2015 г.

МНЕ ДВАДЦАТЬ, а я еще ничего не сделал. Не выиграл олимпиаду, не стал звездой, не открыл бизнес, не получил образования. Нужно что-то делать.

Я не дурак. Я знаю, что с потолка ничего не бывает. И талант нужен или природные данные.

К двадцати понял, что у меня-то ничего, кроме природных данных: интереса к чему угодно, мгновенного охлаждения, спонтанного действия и почти (подчеркнул, надо же быть честным с собой) абсолютного наплевательства на то, что об этом скажут ВСЕ.

Сегодня я начну новую жизнь (предполагаю, что меня хватит на один день). На самом деле мне и старая нравится. Но она какая-то замкнутая. Я ненавижу рамки. А сам — рамка. Нужно из неё вылезать. Из зоны комфорта.

В МГУ я не пошёл. Первый день учёбы. Приветствия и вводные лекции. Правда, свой «лексус» я припарковал там. Мало ли, предки проверят по GPS, где машина.

Я поехал на метро. Надо было оставить айфон в машине, так как при желании и по симке выследят, где я, но без Интернета я не смогу. Сознательная жизнь forever!

Я был на площади трёх вокзалов и всем предлагал помочь с сумками. Бесплатно. Я одет хорошо (может, слишком), от меня не пахнет ничем (может, немного «Кензо»). Я был там три часа. И что? Ни-че-го. Не нужна моя помощь. Я даже бегал за людьми (серьёзно!).

Очень странная была девушка. Сама худая — тащит принтер (не МФУ, как у папы в офисе, но...). Я к ней:

— Девушка, хотите помогу?

— Нет, спасибо.

— Вам тяжело, я же вижу.

— Я тороплюсь.

— Да я вам помогу, и как раз успеете.

— Что вам нужно?

— Помочь.

— Вон, старушке помогите.

— Какой? — я оглядываюсь, а девушка прямо убегает с принтером. Я за ней.

— Ну, девушка, не украду же, — улыбаюсь, — я ваш принтер, в самом деле.

Задумалась... рассчитывает, мог бы физически я убежать с ним.

— Нет.

— Теперь-то почему?

— Вам потом номер понадобится мой или деньги. Как обычно, подержать обезьянку — бесплатно, а фото — пятьсот рублей. Так что спасибо. Я сама.

Вот так!

После ко мне один подошёл и сказал — это их зона у вокзала, тарифы свои. Я им тут цену сбиваю. Порчу жизнь.

Я понял, что все у нас в стране независимые личности.

02.09.2015 г.

Я решил пропустить первую неделю.

Сегодня опять пойду искать того, кому нужна помощь...

Вернулся.

Я подходил к людям с табличками: «Дом сгорел», «Ребенок болеет», «Кто сколько может». У которой на картонке дом сгорел представляюсь как надо — Ф. И. О. Говорю (между прочим, правду, а не трёп), что у меня отец адвокат, он законы знает. Конечно, он не в этой сфере работает. Но подсказать может бесплатно, для меня, я попрошу.

— Вы только скажите, что случилось.

— Ничего.

— Как это? Может, сгорел, а вы не прописаны были и теперь вам жильё взамен не положено, или, может, вы застраховали, а вам не выплачивают. Или у вас вообще не с домом, а другое?

— А тебе какое дело?

— Помочь.

— Бесплатно?

— Ну, я же говорю, папа вас так примет. (Тут я загнул, конечно. Отец мой ничего не знает. Он вообще-то «с именем». Так если бы узнал, что я свой «лексус» паркую и непонятно к кому иду... Вообще, хорошо, что папины друзья метро не пользуются. А то бы ржали из-за моего народоходства где-нибудь на Бали.)

— Нет.

— Почему?

— Да. Ты же подставной. Проплаченный. Где твой диктофон, фотоаппарат? Интервью дать? Или ты селфи хочешь со мной на айфон? Дак, давай!

— Да я...

— Ну и вали.

Я свалил. Доехал до Воробьевых, взял авто. После — в фитнес-клуб, позанимался и домой.

03.09.2015 г.

Тупой день. Лучше б в институт пошёл. Родители правильно делают: раз в году посылают деньги в какой-то благотворительный фонд. Ну и нормально. Совесть чиста — помогли. А я, значит, решил не деньгами. Мне же деньгами помочь просто! Мне же собой хотелось помочь: временем своим, руками своими. Точно дурак! А вначале писал, что нет...

Был у «Красных Ворот», уже к метро возвращался и дождь начался. Пошел во двор дома, сел на перила у крыльца, чтоб не капало. Ливень, а я без зонта. Решил подождать там.

У крыльца остановила велосипед женщина. Вся промокла. В корзинке на руле — продукты в пакетах. Она смахнула дождь с лица и стала забираться по ступеням наверх. Одна, вторая...

— Женщина, — я не выдержал. — Вам помочь?

Молчит.

Третья, четвёртая...

— Давайте я помогу!

Молчит.

Пятая, шестая... Выдох.

Ищет ключ от домофона, открывает одну дверь. Открывает вторую, а нижний угол первой двери застревает между спиц заднего колеса.

Я подошёл. Осторожно оттащил грязное колесо чуть-чуть назад и придержал дверь. Она прошла в коридор молча.

* * *

Я это писал, пока в машине сидел у дома.

Мама приехала, припарковалась. Я открыл дверцу, посмотрел на неё издалека. Она вынула из багажника пакеты, наверно с косметикой и платьями, пошла к лифту.

— Мам, привет! Мам!

— А, ты тут! — обрадовалась.

— Тебе помочь? — внутренне замер.

— Думаешь, кто-то откажется от помощи? — улыбнулась.